

Л. И. ЖИРКОВ

ВСЕГДА ЛИ СЛУЧАЙНО ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ СХОДСТВО ЯЗЫКОВ?

(К вопросу о строе языка кечуа)

В библиотеке Института языкознания Академии наук СССР среди книг по американистике хранится довольно редкое, хотя и не очень старое издание — книга Э. В. Миддендорфа о языке кечуа¹. В заглавии этой книги стоят слова Runa Simi, буквально: «устный язык, язык рта»; кечуа, коренное население Перу, Боливии и Эквадора, называя так свой язык, как бы подчеркивает, что он является именно только устным, «бесписьменным» языком. Работа Э. В. Миддендорфа интересна прежде всего тем, что она представляет собой прекрасное описание грамматического строя языка кечуа и в этом смысле может считаться вообще образцом описательной грамматики, ни в чем не уступающим грамматикам П. К. Услара по языкам Северного Кавказа, которые русские кавказоведы привыкли считать высшим достижением описательного языкознания². Изложение грамматики Э. В. Миддендорф, как и П. К. Услар, сопровождает текстами, снабженными точными переводами, что позволяет читателю грамматически анализировать эти тексты.

Среди языков Южной Америки язык кечуа занимает несколько особое положение. Относительно этого языка с большей или меньшей определенностью в науке не раз высказывалось предположение о его связи с тюркскими языками, о его возможном родстве с этой группой языков Старого Света. В последнее время в защиту этой гипотезы высказывались проф. Б. Феррарио³ и известный кавказовед Ж. Дюмезиль⁴. Иногда лингвисты говорят о сходстве грамматического строя кечуа вообще с широким кругом урало-алтайских языков, но при этом все же подчеркивают типологическую близость его в особенности с тюркскими языками. Дюмезиль дохо-

¹ E. W. M i d d e n d o r f, Das Runa Simi oder die Keshua-Sprache wie sie gegenwärtig in der Provinz von Cuzco gesprochen wird, Bd. 1—II, Leipzig, 1890.

² Эпоха, когда писались работы Э. В. Миддендорфа и П. К. Услара, наложила на эти труды свой отпечаток в том, что употребляемую их авторами грамматическую терминологию мы с нашей современной точки зрения можем найти несколько устарелой и даже, пожалуй, наивной; но надо помнить, что в ту пору не было еще фонематической терминологии, изобретеной до того, что термины «вариант фонемы» и «вариация фонемы» имеют строго определенный различный смысл. Не было тогда и тех успехов экспериментальной фонетики, которые позволяют нам без затруднений описывать артикуляции и классифицировать звуки, сводя их в таблицы звуков. Фонетические и грамматические категории лингвисты называли тогда так, как они назывались в тогдашних школьных грамматиках. И кавказовед П. К. Услар, и американист Э. В. Миддендорф не дают нам ни правильно построенных артикуляционных таблиц по фонетике, ни сколько-нибудь разработанной фонетической терминологии. Любопытнее всего, что по отдельным местам их работ мы можем заметить, что оба эти лингвиста весьма близко подходили к понятию фонемы (в отличие от звука), но там, где уместно было бы говорить о фонеме, они говорили о звуке, а кое-где даже о букве, что было естественно для того времени и что прекратилось только после того, как Бодуэн де Куртене создал теорию фонем.

³ См. B. F e r r a r i o, La investigación lingüística y el parentesco extra-continental de la lengua «Qhexwa», Montevideo, 1934 (Apartado de la Revista de la sociedad «Amigos de la arqueología», t. VII, 1934).

⁴ G. D u m é z i l, Remarques sur les six premiers noms de nombres du ture, «Studia linguistica», année VIII, 1954, № 1.

дит в этом отношении даже до некоторой наивности. Он говорит, что в странах Андов «было замечено, что турки, поселившиеся в Перу, с особой легкостью усваивают „la langue générale“ этой страны, т. е. язык кечуа¹. Какой характер носит эта типологическая связь двух языковых групп, столь далеких друг от друга географически и культурно, остается неясным.

Для выяснения причины такого явного сходства Б. Феррарио и Ж. Дюмезиль ищут доказательства родства этих языков в согласии с ортодоксальными положениями сравнительно-исторического языкознания. Как известно, эти положения гласят, что доказательством родства может служить только звуковое сходство корней и формантов, причем звуковые формы сравниваемых элементов должны выявлять правильные звуковые соответствия. Только установление этого факта может доказать, что сравниваемые языки в прошлом восходили к общему праязыку (языку-основе) и что, следовательно, они лингвистически родственны, относятся к одной семье или группе языков. Доказанное этим методом родство индоевропейской семьи языков до сих пор служит образцом применения правильной методологии в вопросе о родстве языков. Попытки Б. Феррарио и Ж. Дюмезиля именно этим методом решить вопрос о родстве кечуа и тюркских языков, как нам кажется, не являются удачными и убедительными, хотя их авторы и остались после своих работ сторонниками якобы генеалогического родства кечуа с группой тюркских языков в Старом Свете.

Б. Феррарио в указанной выше работе утверждает, что по своему грамматическому строю язык кечуа является вовсе не так называемым «полисинтетическим» языком, к каким его прежде по традиции причисляли, а языком агглютинирующим, близким по типу своей агглютинации именно к строю тюркских языков. Много языков на континенте Северной и Южной Америки по традиции считались полисинтетическими, и хотя американисты делили их на отдельные языковые семьи, это деление для неамериканистов во многих случаях оставалось неубедительным. Согласно старым взглядам, язык кечуа описывали как язык полисинтетический и даже строй этого языка признавали примером типичного полисинтетизма. Миддендорф также признает правильным это традиционное мнение, говоря об этом в нескольких местах своей грамматики, но оказывается, что главным признаком полисинтетизма в глазах Миддендорфа является способность языка образовывать длинные агглютинационные цепочки, которые в переводе на европейские языки не могли быть адекватно переданы одним словом, а требовали словосочетаний из нескольких слов. Частое употребление многочисленных деепричастий и причастий, посредством которых тюркские языки передают то, что в индоевропейских языках выражается посредством придаточных предложений (определятельных, относительных, временных и проч.), свойственно и языку кечуа. Это-то и явилось одной из тех особенностей, которые позволяют Дюмезилю при сравнении кечуа с тюркскими языками подчеркивать то обстоятельство, что во многих случаях при переводе фразы с кечуа на турецкий язык употребляется то же число морфем, присоединяемых в том же порядке, как и в кечуа, причем по-турецки каждой морфеме в языке кечуа соответствует элемент, исполняющий ту же функцию².

Что касается Б. Феррарио, то все его сближения как корней, так и аффиксов кажутся нам весьма слабыми и неубедительными, тем более что он не формулирует никаких звуковых соответствий. После знакомства с работой Феррарио мы остаемся при убеждении, что типологическое сходство в морфологии между кечуа и тюркскими языками несомненно существует, что же касается родства этих языков между собой, то это по-прежнему остается под вопросом.

¹ G. Dumézil, указ. соч., стр. 1.

² Там же, стр. 3.

Дюмезиль исходным пунктом своих изысканий делает сравнение некоторых числительных первого десятка (1—6) в тюркских языках (особо к сравнению привлекается чувашский материал) с числительными кечуа¹.

Кечуа	Тюрк.	Чуваш.
1 — <i>phiwi</i>	<i>bir</i>	<i>per</i>
2 — <i>iskay</i>	<i>iki</i>	<i>ik</i>
3 — <i>kimsa</i>	<i>üç</i>	<i>irş</i>
4 — <i>tawa</i>	<i>tört</i>	<i>tawat</i>
5 — <i>pisqa</i>	<i>biş</i>	<i>pilek</i>
6 — <i>sugta</i>	<i>alti</i>	<i>ult</i>

В этой таблице уже с первого взгляда между многими числительными можно заметить определенное сходство. В числительных 3 и 6 сходство не является очевидным, однако Дюмезиль приводит ряд соображений, разъясняющих возведение к общему источнику *q—l* в числительном 6 и наличие *k* в числительном 3. До прихода испанцев кечуа не знал твердого *l*, а начальное *k*, сохраняемое в числительном кечуа 3, могло исчезать (очевидно, через промежуточную ослабленную форму *y?*).

Установив, как он думает, некоторые схождения в ряду числительных, Дюмезиль старается вывести звуковые законы, по которым слова и формы кечуа соответствуют тюркским словам, например: кечуа *hipu* «шнурок с узелками» — тюрк. *yip* «веревка» (исчезновение начального звука типа *k*, как и в тюрк. *üç* — кечуа *kimsa* «три»); кечуа *sugta*, *sojta* — тюрк. *alti* «шесть» (*q—l*). Подобных сопоставлений Дюмезиль приводит довольно много, и этим его работа выгодно отличается от труда Феррарио. Однако генетическая связь кечуа с тюркской группой языков, как нам кажется, все же остается проблематичной.

Мы видим, что в рассматриваемом случае является несомненным факт типологического сходства языков, относительно которых мы не можем указать, когда и где эти языки, ныне разделенные громадными пространствами океана, культурно соприкасались и могли влиять друг на друга, или каким образом они могли восходить к общему праязыку. Факт этот замечали и замечают многие лингвисты. Можем ли мы говорить, что такие схождения случайны? Всегда ли является случайным типологическое сходство языков?

Исследователь языков Кавказа Н. Ф. Яковлев писал: «Исследуя на территории Советского Союза две наиболее архаические группы языков — яфетическую (ныне называемую иберийско-кавказской. — Л. Ж.) на Кавказе и палеазиатскую на крайнем северо-востоке Азии, мы поражаемся наличию в тех и других языках многих грамматических схождений, которые не могут быть объяснены лишь случайным совпадением» (разрядка наша. — Л. Ж.)².

В глазах Н. Ф. Яковлева главным моментом схождения является сходство синтаксических конструкций — непереходной, переходной и, как ее называет Яковлев, «конструкции с косвенным объектом». К этому Яковлев присоединяет указание на сходство фонетической системы (на наличие надгортанных артикуляций, на наличие глухих латеральных согласных) и на некоторые другие черты фонетического и морфологического сходства. Наконец, вслед за американистом Боасом, Яковлев также указывает, что «одной из характернейших черт американо-индейских языков признается именная и местоименная инкорпорация»³.

В Америке существуют языки очень различного строя, от инкорпорирующего — полисинтетического — до агглютинирующего (примером последнего является язык кечуа). Среди многочисленных языков Америки

¹ Таблица приводится с упрощениями в транскрипции.

² Н. Ф. Яковлев, Древние языковые связи Европы, Азии и Америки, ИАН ОЛЯ, 1946, вып. 2, стр. 141.

³ Там же, стр. 147.

можно встретить многие разновидности полисинтетического строя, который сам по себе представляется чрезвычайно сложным. В числе многих его разновидностей, однако, есть и типы языков, грамматически несложных, как несложны тюркские языки, с которыми весьма сходен, как мы видим, южноамериканский язык кечуа. Несмотря на то, что лингвисты, пользуясь методом сравнительно-исторического изучения американских языков, сумели выделить в Америке несколько родственных групп языков, там еще остаются многочисленные так называемые «изолированные» языки, которые наука не может отнести ни к одной ветви или языковой семье. На всех этих пространствах строй языков представляется как бы колеблющимся от крайне усложненных полисинтетических типов до сравнительно простых типов агглютинации. Но ведь в этой массе, несомненно, одни языки на протяжении веков развивались из других, хотя пути этого развития в деталях наукой до сих пор еще не выяснены. Не следует ли обратить внимание не на поиски праформ отдельных праязыков, которых уже и сейчас в Америке найдено немало, а на ход развития одних языковых типов из других, им предшествовавших? В каком направлении шло и могло идти языковое развитие и в каком оно не могло идти?

В частности, возвращаясь к вопросу о языке кечуа, надо спросить себя, мог ли простой и несложный агглютинирующий тип языка развиваться из языка полисинтетического, или, наоборот, усложняясь все более и более, строй полисинтетизма мог развиваться из простой агглютинации? Во всяком случае, вряд ли мы можем согласиться с предпосылкой, что любой строй языка может развиваться из любого другого строя, что вся сложность процесса развития языковых типов заключается только в историческом действии звуковых законов и аналогии.
